

Гонина Н. В. На обочине светлого пути : женский труд в пищевой промышленности в 1954—1964 годах (на материалах Красноярского края) / Н. В. Гонина, Р. В. Павлюкевич, А. Ю. Вавиленко // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 258—270. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-258-270.

Gonina, N. V., Pavlyukevich, R. V., Vavilenko, A. Yu. (2019). On the Bright Path: Female Labor in the Food Industry in 1954—1964 (based on Materials from the Krasnoyarsk Territory). *Nauchnyi dialog*, 11: 258-270. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-258-270. (In Russ.).

УДК 94(571)“1954/1964”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-258-270

НА ОБОЧИНЕ СВЕТЛОГО ПУТИ: ЖЕНСКИЙ ТРУД В ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1954—1964 ГОДАХ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)¹

© **Гонина Наталья Владимировна (2019)**, orcid.org/0000-0002-6229-4767, ResearcherID B-9407-2018, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Юридического института, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет» (Красноярск, Россия), nvg7@mail.ru.

© **Павлюкевич Руслан Витальевич (2019)**, orcid.org/0000-0003-3537-7118, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Юридического института, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет» (Красноярск, Россия), autocrator@yandex.ru.

© **Вавиленко Ангелина Юрьевна (2019)**, orcid.org/0000-0002-9046-1163, аспирант кафедры истории и политологии Юридического института, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет» (Красноярск, Россия), vavilenko.a@gmail.com.

Актуальность работы обусловлена сохранением проблем советского периода на ряде современных производств. Рассматривается вопрос об условиях женского труда на примере пищевой промышленности Красноярского края в хрущевское десятилетие. Новизна исследования видится в том, что проблема женского труда в промышленности рассматривалась только с точки зрения советской концепции, в современной литературе ей уделяется мало внимания. Авторы останавливаются на характеристике тяжелых условий женского труда на предприятиях местного значения. Представлена авторская версия причин, по которым женщины не только соглашались работать в некомфортных условиях, но и считали свое положение выгодным. Показано, что работа в пищевой промышленности, дающая возможность свободного доступа к продуктам питания, в условиях дефицита товаров была желанной. Отмечается также, что в данной отрасли к квалификации работниц не предъявлялись высокие требования, что устраивало женщин, не имеющих образования и отягощенных семьей. Подчеркивается, что «сфера женского труда» — понятие, созданное в советской экономике в целях вовлечения женщин в производство и символизирующее заботу государства о здоровье и благополучии женщин. Доказано, что в реальности сфера женского труда стала местом сегрегации и зоной сохранения примитивных форм хозяйствования.

Ключевые слова: город; женский труд; пищевая промышленность; Красноярский край; хрущевское десятилетие.

1. Введение

Важнейшим проявлением модернизации, влекущим за собой многочисленные социальные перемены, стала замена ручного труда машинным. Нашу эпоху приня-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-49-240002\19.

то называть эрой автоматизации и роботизации. Однако эти процессы несут далеко не всеобщий характер. На периферии во многих сферах производства сохраняется большой объем ручного труда, и, что немаловажно, этим трудом занимаются не только мужчины, но и женщины.

В СССР считалось, что «женский вопрос» решен. Однако на самом деле женщина получила всего лишь право трудиться наравне с мужчиной, и часто у нее не было выбора. В современности мы наблюдаем сохранение этих явлений. Таким образом, проблема достаточно актуальна.

Избранный для рассмотрения период интересен тем, что в послевоенное десятилетие был заявлен курс на повышение благосостояния населения, который в определенной степени был обусловлен теми же факторами, что и политика «государства благоденствия» на Западе, и имел общие с ней черты. Подробно эти аспекты разбирает, в частности, Кристофер Бартон [Бартон, 2008, с. 174—193]. И для нас очень важно, что внимание в его статье концентрируется на охране здоровья на рабочем месте. Причем автор подчеркивает, что в сталинский период эта политика только зарождается, а развитие получает позднее.

Одновременно это первый этап НТР, ознаменовавшейся в сфере производства товаров народного потребления механизацией предприятий, а в области домашнего труда — выпуском бытовой техники. Общим местом стали тезисы о том, что в 1950-х годах уровень жизни советского человека значительно вырос. Причем с этим согласны и современные ученые [Ханин, 2006]. Данные явления стали дополнительным аргументом к утверждению о решении «женского вопроса». Важно подчеркнуть и элемент, характерный для Сибири, особенно ее восточной части. Правительство нуждалось в добровольном перемещении рабочей силы на Восток. В этом плане наличие местного производства товаров народного потребления и создание рабочих мест для женщин с целью закрепления семей на местах имели большое значение. Возникает закономерный вопрос: почему эти процессы не привели к повсеместному облегчению женского труда?

Выбор хронологических рамок 1954—1964 годов обоснован тем, что после смерти И. В. Сталина инерция его времени продолжалась, по сути, до смерти Л. П. Берия и свертывания режимной империи управления. Также именно с 1954 года начинается курс на развитие социального обеспечения, одним из элементов которого является расширение производства товаров народного потребления, в том числе — пищевой промышленности.

Цель работы — охарактеризовать на примере Красноярского края в хрущевское десятилетие условия женского труда и определяющие их факторы, а также объяснить, почему женщины соглашались на тяжелый труд.

Пищевая промышленность выбрана в качестве фактологической основы в связи со спецификой ее развития. Особенностью пищевой промышленности в России была устаревшая база, заложенная еще в XIX веке. Ее основные черты: приоритет ручного труда, нарушение санитарных норм, консерватизм социальных отношений [Концепция ..., 1994]. Если принимать в расчет основные направления и цели политики Н. С. Хрущева, то можно предположить, что пищевая промышленность должна была стать одной из бурно развивающихся отраслей. И действительно,

было открыто много новых предприятий, а на имеющихся был расширен ассортимент, увеличен выпуск продукции, проведена установка нового оборудования и подготовка специалистов-технологов [Бабкин, 1980, с. 24—27; Павлюкевич, 2016, с. 158—174]. Однако отрасль сохранила ретроградные позиции.

В качестве источниковой базы работы использованы архивные документы, материалы периодической печати и интервью. Историография темы включает труды Е. Ю. Зубковой [Зубкова, 1993] и Н. Б. Лебиной [Лебина, 2003; Лебина, 2014; Лебина, 2015], Б. С. Гришина [Гришин, 2001], Л. Н. Славиной [Славина, 2010] и С. А. Рафиковой [Рафикова, 2007; Рафикова, 2017].

2. Характеристика условий труда на предприятиях пищевой промышленности Красноярского края

Женский труд при советской власти прочно занял место наравне с мужским. В 1955—1965 годах количество женщин среди работающих составляло 46 % [Труд в СССР, 1988, с. 106]. В пищевой промышленности было занято 9 % от общего числа женщин-рабочих. В то же время процент женщин от общего количества занятых в пищевой промышленности составлял 50—55 %, а в хлебопекарном и кондитерском производстве — 70 % [Народное хозяйство в СССР, 1956, с. 191; 1961, с. 653; 1965, с. 568].

В Красноярском экономическом районе в рассматриваемый период на предприятиях пищевой промышленности работало 12 000 человек, большая часть из которых были женщины [ГАКК, Ф. р-1407, оп. 1, д. 80, л. 23]. Основная масса предприятий пищевой промышленности была расположена в городах (97,4 % работников на 1965 год) [ГАКК, ф. р-1300, оп. 2, д. 6301, л. 11—12]. Для полноты анализа важно подчеркнуть различие ситуации в населенных пунктах края. Так, г. Красноярск резко выделялся по численности населения (45,8 % горожан региона) и по количеству предприятий (105 ед.). Он сосредотачивал 39 % всех женщин, работающих в промышленности и 27,6 % работниц пищевой отрасли. Интересно, что процент женщин от общего количества занятых в пищевой промышленности здесь был выше среднего по стране — 89,9 % [ГАКК, ф. р-1300, оп. 7, д. 45, л. 46]. Статус регионального и промышленного центра приводил к приоритетному положению города при распределении материальных ресурсов и специалистов. Правда, пищевая промышленность была не на первых ролях. Например, до 1967 года Красноярский мясокомбинат был размещен в ветхих деревянных строениях, характеризовался низким уровнем производства, преобладанием ручного труда, сменной мощностью 26 тонн мяса и 8 тонн колбасных изделий [Бабкин и др., 1980, с. 27].

Второе место в крае по численности населения и снабжению занимали молодые индустриальные города (более 15 % горожан региона) — Дивногорск, Железногорск, Зеленогорск, Назарово, Норильск. Статус «соцгорода» требовал, помимо прочего, и организации качественного питания. Немаловажным было то, что предприятия пищевой промышленности находились в новых зданиях и получали новое оборудование. Также сохранялся и приоритет при распределении специалистов [Реут, 2012, с. 223].

Остальные города края — средние и малые поселения с промышленностью местного значения и высокой долей жителей, занятых натуральным хозяйством. В них

проживало около 40 % городского населения. Общей чертой были неразвитость благоустройства, недостаток помещений и коммуникаций. Это отражалось и в пищевой промышленности. Так большинство мясокомбинатов располагались в зданиях бывших боев; молочные предприятия, кондитерские и макаронные цеха — в бывших складских помещениях. Эксплуатация некоторых зданий была начата до 1929 года, 80 % из них были деревянными с плохим отоплением, канализационная система отсутствовала [ГАКК, ф. р-1407, оп. 1, д. 76, с. 2; ф. р-1408, оп. 1, д. 82, л. 43—44; ф. р-1944, оп. 3, д. 151, л. 71]. Например, в 1956 году Красноярский крайисполком зафиксировал, что хлебозаводы в городах Боготол, Иланск, Уяр находятся в аварийных бараках, электроэнергии недостаточно для обеспечения работы оборудования [ГАКК, ф. р-1386, оп. 1, д. 178, л. 14].

Одна из самых тяжелых ситуаций по условиям труда была на Канской табачной фабрике. Более 50 человек работали в тесном сыром полуподвальном помещении без специальной вентиляции. Это приводило к широкому распространению заболеваний дыхательных путей. Основным препятствием на пути расширения и перестройки корпуса фабрики была позиция городских властей. Предприятие находилось в центре города, поэтому его расширение затронуло бы соседние жилые и административные здания [ГАКК, ф. р-1408, оп. 1, д. 82, л. 43—44].

В 1956—1958 годах Канский горком отмечал неудовлетворительную работу всех предприятий пищевой промышленности. Постоянно звучали претензии к ассортименту продукции. На Канском горпищекомбинате были выявлены хищения сахара, маргарина, сгущенки. На мясокомбинате отмечены убытки из-за высокой себестоимости и низкого качества продукции, нарушение технологии, порча и хищение мясopодуlктов. В 1959 году обследование показало, что большинство мелких райпищекомбинатов края не выполняют план и выпускают некачественную продукцию. 10 из них были закрыты. По отчету крайплана на 1960 год отмечалось невыполнение плана Красноярскими кондитерской, макаронной фабриками и пивзаводом, Канским горпищекомбинатом, Минусинской махорочной фабрикой, Дудинским и Каратузским пищекомбинатами. Было указано и на то, что продукция из-за низкого качества не пользуется спросом населения и залеживается на складах [ГАКК, Ф. р-1478, оп. 3, д. 358, л. 2—28; д. 460, л. 325—327; ф. п-148, оп. 1, д. 461, л. 203, 214—215; д. 475, л. 76—77].

Другой проблемой был крайне низкий уровень механизации и автоматизации труда. Так, в 1960 году из 62 предприятий мясной промышленности полная обеспеченность паром наблюдалась только на десяти. Многие тяжелые виды работ выполнялись вручную. Большинство предприятий испытывали дефицит энергоресурсов. Например, из 80 предприятий молочной промышленности 54 были обеспечены электроэнергией всего на 50—70 %, причем работа шла в три смены [ГАКК, ф. р-1407, оп. 1, д. 76, л. 18].

Тяжелые условия труда и низкий уровень образования рабочих приводили к высокому уровню травматизма. Так, в 1963 году на Красноярском винзаводе был зафиксирован 31 несчастный случай, на Красноярской кондитерской фабрике — 52 несчастных случая, в 1964 году на Красноярском пивоваренном заводе произошло 47 несчастных случаев [ГАКК, ф. р-1944, оп. 3, д. 186, л. 38, 44; д. 197, л. 12].

Как отмечали руководители отрасли, общей чертой для всех предприятий были низкие зарплатные тарифы и неразвитость культурно-бытовой сферы. Труд здесь был тяжел не столько из-за физических нагрузок, хотя они были достаточно высоки, сколько из-за экологически неблагоприятной ситуации. Однако при этом льготы на пищевую промышленность не распространялись. Она оказалась как бы в «мертвой зоне» законодательства, защищающего женское здоровье. Женщинам с детьми требовались детские сады, жилье, столовые. Но большинство доступного жилья было старым и ветхим, на одного работника приходилось всего 3 кв. м. [ГАКК, ф. р-1407, оп. 1., д. 82, с. 25]. Ситуация с детскими садами была также трудной. Например, на 1000 детей в Ачинске было 223 места, в Назарово — 150 мест, в Боготоле — 123 [ГАКК, ф. р-1478, оп. 3, д. 767, л. 53—55].

В отличие от других отраслей на предприятиях пищевой промышленности большинство рабочих мест занимали специалисты низкой квалификации (табл. 1).

Таблица 1

Уровень образования женщин-рабочих в пищевой промышленности Красноярского края по переписи 1959 года (%%)*

	Высшее и незаконченное высшее	Среднее специальное	Среднее общее	7-летнее, в том числе незаконченное	Начальное	Не имеющие образования
Все занятые в производстве	5,3	10,7	8,4	32,6	27,1	15,7
Пищевая промышленность	0,4	1,3	4,6	30,4	40,9	22,4

* Данные приводятся по: [ГАКК, ф. р-1300, оп. 7, д. 43, л. 52].

Таким образом, мы видим, что 93,7 % работниц пищевой промышленности не имели законченного среднего образования, тогда как в целом среди работающих этот показатель не превышал 75 %. Еще хуже выглядит ситуация со специалистами. Это осложняло процессы модернизации производства.

В 1960-х годах ситуация улучшилась за счет техникумов и ФЗО, количество работников со средним специальным образованием достигло 47 %, а вот специалистов с высшим образованием по-прежнему не хватало [ГАКК, ф. р-1386, оп. 1, д. 3708, л. 1—8]. Но это не стало решением накопившихся проблем. На первый план вышла текучесть кадров.

Глава управления пищевой промышленности М. Вальд в 1961 году писал: «Специалисты уходят, а новые не появляются. Прибывающие техники-технологи, как правило, девушки, быстро находят пару и уходят с производства» [ГАКК, ф. р-1407, оп. 1, д. 82, л. 44]. В 1963 году власти Красноярска отмечали, что самая высокая текучесть кадров наблюдается в пищевой промышленности. На макаронном производстве она составляла 50 %, а в рыбопереработке — 57 % [ГАКК, ф. п-17, оп. 1, д. 2025, л. 100—104]. В середине 1960-х годов коэффициент утечки

работников на предприятиях пищевой промышленности был одним из самых высоких по Красноярскому краю и составлял 0,7 [ГАКК, ф. р-1407, оп. 1, д. 93, л. 22].

3. Мероприятия по улучшению качества жизни и труда женщин на предприятиях пищевой промышленности

Руководство Красноярского СНХ искало пути улучшения ситуации. В 1959 году предприятия пищевой промышленности получили право направлять процент от плановой и сверхплановой прибыли на развитие культурно-бытовых условий труда работников. Например, Канскому заводу молочных консервов было разрешено использовать 18,8 %, Норильскому рыбзаводу 23 % и Назаровскому молочно-консервному заводу 23 % от прибыли и сверхприбыли. Данные отчисления позволяли начать строительство новых домов, школ и детских садов. Это не могло полностью решить проблему, так как доходы предприятий были низкими, но несколько снижало градус напряжения. Другим инструментом воздействия на ситуацию были премии. В 1962 году на предприятиях молочной промышленности был проведен конкурс. За первое место головным заводам было выдано три годовых премии в размере 1000 рублей, а также четыре по 600 рублей за второе место. Молочные комбинаты получили две премии за первое место в размере 2000 рублей и три вторых на 1200 рублей [ГАКК, ф. р-1407, оп. 1, д. 23, л. 141; д. 86, л. 5].

Важным нововведением стало повышение автоматизации и механизации труда. В 1961 году на предприятиях было установлено 175 единиц оборудования, в 1962 году — уже 179 единиц, а в 1964 году — 326 единиц. В целом за изучаемый период уровень механизации производства вырос практически в 2,5 раза [ГАКК, ф. р-1944, оп. 3, д. 151, л. 8; д. 175, л. 47; д. 186, л. 51; д. 197, л. 1]. Однако эти меры не решали проблему в целом, так как, по сути, только выводили отдельные предприятия на базовый уровень и касались преимущественно индустриальных городов.

4. Мотивация работниц на предприятиях пищевой промышленности

В такой ситуации возникает вопрос, почему определенная группа работниц оставалась на предприятиях пищевой промышленности, несмотря на плохие условия труда? Проведем анализ занятости женщин на предприятиях региона (табл. 2.).

Материалы таблицы показывают, что если в индустриальных городах вовлеченность женщин в народное хозяйство очень высока, то для малых неиндустриальных городов повсеместно характерен большой процент незанятых. В индустриальных городах около 50 % женщин было занято в промышленности, но преимущественно не в пищевой. Не стоит забывать, что в индустриальных городах численность и уровень доходов населения позволяли расширить сферу услуг, где женщины находили работу. Другая ситуация складывалась в неиндустриальных городах. Главную роль здесь играл недостаток рабочих мест. Мужчины могли работать на транспорте, в добывающей промышленности, на промыслах. Женщинам найти заработок было сложнее. И, как видно из данных, пищевая промышленность обеспечивала в среднем 50 % занятости для женщин неиндустриального города.

Таблица 2

Занятость трудоспособных женщин в городах Красноярского края на 1960 год
(тыс. чел. %%)*

	Всего трудо- способных женщин	Занято в на- родном хо- зяйстве	Занято в промыш- ленности	Занято в пище- вой промыш- ленности
Красноярский край	281084	162695(57,9)	80633(49,6)	7941(9,8)
Красноярск и закрытые города**	165201	118912(71,9)	57783(48,6)	2902(5,0)
Канск***	27872	18371 (65,9)	11161(60,7)	1259 (11,3)
Минусинск	11577	5643(48,7)	1551 (27,5)	810 (52,2)
Ужур	6983	3147 (45)	468 (14,9)	225(48,7)

* Данные приводятся по: [ГАКК, ф. р-1300, оп. 7, л. 39, л. 46; оп. 12, д. 559, л. 7; ф. р-1478, оп. 3, д. 764, л. 231—235; д. 767, л. 20—23, 188—190; д. 768, л. 215—218; д. 773, л. 14].

** По Красноярску представлены данные на 01.01.1961 год. Статус закрытых имели молодые индустриальные города Железногорск и Зеленогорск.

*** По Канску не включены в статистику предприятия, где использовался труд заключенных.

В 1960 году Красноярской лабораторией института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР было проведено исследование малых городов региона. Интересно, что женщинам уделялось достаточно много внимания. По результатам исследования, удельный вес женщин среди работающих в народном хозяйстве составил в среднем 42,3 %. Заметим, что авторы используют гендерную сегрегацию производства, выделяя предприятия «женского труда», и относят к ним легкую и пищевую промышленность. Выяснено, что в малых городах в среднем 85 % неработающих — женщины. Из них 50—65 % ухаживали за малолетними детьми, 12—16 % были заняты натуральным хозяйством. Причем авторы констатируют, что самообеспечение являлось насущной необходимостью, так как государственная и кооперативная промышленность обеспечивала только 5—10 % мясных и молочных продуктов, потребляемых населением. 4—6 % женщин не работали из-за отсутствия места по специальности. Достаточно много было не работающих в связи с болезнью, инвалидностью — 15 % [ГАКК, ф. р-1478, оп. 3, д. 767, л. 53—55].

В послевоенные годы большой приток населения в города при низком уровне товаропроизводства в конце 1950-х — начале 1960-х годов привел к дефициту ряда продуктов. Общесоюзный уровень проблемы отмечает Н. Б. Лебина. Однако если для Ленинграда хотя бы в начале 1950-х было актуально пищевое изобилие, то в малых городах на периферии его не наблюдали совсем [Лебина, 2014, с. 71, 78—79]. В городах Красноярского края постоянной тенденцией стали перебои в поставках мяса, колбасы, молока, рыбы, сахара и т. д. [ГАКК, ф. р-1386, оп. 1, д. 178, л. 52; д. 180, л. 53—56; д. 3345, л. 29—30; ф. р-1478, оп. 3, д. 358, л. 2—28;

д. 359, л. 2]. Поэтому возможность хорошо поесть (а при определенной ловкости и унести продукты с собой) была очень привлекательной. Как указывают интервьюируемые, продукцию на предприятиях можно было есть без ограничений [Интервью с Н. И.]. Высокая ценность мясопродуктов сохранялась до конца советского периода, а водка была, по сути, альтернативой деньгам. Также большое значение имело консервное производство, постоянным спросом у населения пользовались тушенка и сгущенка.

Кроме того, в данной отрасли на большинстве рабочих мест не требовались квалификация и опыт. В целом эта ситуация была достаточно удобной для женщин, которые не могли получить образование сначала из-за недостатка средств в семье родителей, а затем — из-за малолетних детей [Интервью с Л. А. и А. П.]. С другой стороны, женщины не имели возможности выбирать. Как пишет С. Г. Айвазова, «над средней советской семьей постоянно витала тень бедности, <...> чтобы семья могла существовать, приходилось работать и мужу, и жене» [Айвазова, 2011, с. 16]. Привычка к тяжелому труду воспитывалась натуральным хозяйством с детства. Также нельзя забывать, что в это время рабочие места занимало поколение, пережившее войну. Поэтому плохая экология труда и отсутствие перспектив не становились проблемой. Заметим, что наши результаты совпадают с выводами Б. Гришина о низком уровне потребностей населения [Гришин, 2001, с. 139—140, 146, 154].

5. Заключение

Итак, исследование показало, что при ускоренной модернизации на периферии могут сохраняться локальные зоны с устаревшими формами хозяйственной деятельности. Политика приоритетов лишала эти области финансирования и технического оснащения, что приводило к оттоку специалистов и молодежи и далее — к стагнации производства. Общество отвечало на это социальной пассивностью и деструктивным поведением на производстве. Такие депрессивные зоны могут формироваться как территориально (примером являются малые неиндустриальные города), так и на производстве (в нашем случае это пищевая промышленность, но возможны и другие примеры).

Ухудшала ситуацию система двойных стандартов, когда широко разрекламированная политика социальной защиты женщин на деле обернулась двойной занятостью (семья и работа), сниженной оплатой и тяжелыми условиями труда. Во многом это было наследием сталинской социальной политики, в которой личные потребности человека вытеснялись на второй план. С другой стороны, хрущевская социальная программа не имела достаточной материальной базы, и поставленные задачи часто не выполнялись.

Поэтому основной мотивацией сотрудниц на предприятиях пищевой промышленности было не стремление добиться финансовой независимости от мужчины, как это было на Западе в рассматриваемый период, а необходимость обеспечить себя и свою семью материальными ресурсами. Деструктивное поведение (например, хищение продукции) можно рассматривать как форму самообеспечения в условиях лимитированного потребления.

Сформировавшиеся в таких условиях коллективы и их руководители предпочитали сохранять сложившийся баланс интересов. Поэтому все попытки технической модернизации производства вызывали пассивное сопротивление, что в итоге приводило к низкой фондоотдаче и высоким затратам. Это, в свою очередь, не позволяло увеличить доходы производства.

Данная ситуация полностью противоречила принципам советской идеологии как в социальном, так и в экономическом плане, хотя, как мы видим, являлась ее порождением. Интересно, что там, где предприятия пищевой промышленности создавались «с нуля» и имели хорошую материальную базу (молодые города, пищевые комбинаты и цеха в комплексе крупного производства государственного значения), указанные негативные тенденции встречались гораздо реже. Как следует из материалов интервью с Н. И., важную роль могла сыграть и группа молодых специалистов.

Исследование региональных архивов показало, что все указанные тенденции были характерны для многих городов Красноярского края, но в малых неиндустриальных городах они концентрировались. В качестве локальной специфики следует отметить влияние более позднего и замедленного вступления данной территории в процессы индустриализации, более высокий дефицит материальных и кадровых ресурсов, а также высокую миграционную активность населения.

Региональная пищевая промышленность не имела статуса государственного значения, что придавало ей депрессивный характер, а с другой стороны, создавало зону «невнимания» со стороны органов управления. Это, а также свободный доступ к сырью и продукции, при сниженных требованиях к работникам, открывали путь для сохранения различных ретроградных форм деятельности. Например, открывалась возможность для спекуляции, которая, в свою очередь, привлекала людей с определенными интересами. Также указанное положение позволяло использовать работу на предприятии как ресурс для домашнего натурального хозяйства (например — использование отходов, бракованной продукции или сырья в качестве корма для животных). Низкая дисциплина позволяла женщинам часть рабочего времени тратить на домашние дела. Данные тенденции сохранились и после хрущевских изменений в экономической и социальной политике.

Приоритеты индустриального развития меняли логику экономических процессов. Парадоксально, но в южных районах края с высокопроизводительным сельским хозяйством, где пищевая промышленность должна была процветать, она долгое время оставалась сферой низкоквалифицированного труда. И, наоборот, в северном Норильске сложилось высокотехнологичное пищевое производство, на которое люди стремились устроиться.

Пищевая промышленность Красноярска имела более сложную динамику. Благодаря статусу столицы региона и положению крупного индустриального центра город быстрее включался во все преобразование и имел больше возможностей для получения материальных ресурсов. Поэтому технологическая перестройка здесь произошла раньше, чем, например, в Минусинске. Ярким примером является кондитерская фабрика (современное название — «Краскон»). С другой стороны, сохранение и улучшение

ние кадрового потенциала оставались серьезной проблемой из-за недостатка жилья, что было менее актуально в других городах.

Источники и принятые сокращения

1. ГАКК — *Государственный архив Красноярского края*. Ф. п-17. Оп. 1. Д. 2025. Л. 100—104; Ф. п-148. Оп. 1. Д. 461. Л. 203, 214—215; Д. 475. Л. 76—77; Ф. р-1300. Оп. 7. Д. 45. Л. 46; Оп. 2. Д. 6301. Л. 11—12; Ф. р-1386. Оп. 1. Д. 178. Л. 14,52; Д. 180. Л. 53—56; Д. 3345. Л. 29—30; Д. 3708. Л. 1—8; Ф. р-1407. Оп. 1, Д. 23. Л. 141; Д. 76. Л. 2,18; Д. 80. Л. 23; Д. 82. Л. 25. Л. 44; Д. 86. Л. 5; Д. 93. Л. 22; Ф. р-1408. Оп. 1, Д. 82. Л. 43—44; Ф. р-1478. Оп. 3. Д. 358. Л. 2—28; Д. 359. Л. 2; Д. 460. Л. 325—327; Д. 767. Л. 53—55; Ф. р-1944. Оп. 3. Д. 151. Л. 8. Л. 71; Д. 175. Л. 47; Д. 186. Л. 38,44,51; Д. 197. Л. 1, 12.

2. Интервью с Н. И. — *Интервью с инженером-технологом кондитерского производства Н. И., 1939 г.р., записанное авторами 28.06.2018.*

3. Интервью с Л. А. и А. П. — *Интервью с работником сферы обслуживания Л. А., 1948 г.р., и сотрудником отдела кадров Красмаша А. П., 1932 г.р., записанное Н. В. Гониной 11.10.2014.*

4. *Народное хозяйство в СССР в 1955 г. : статистический ежегодник.* — Москва, 1956. — 265 с.

5. *Народное хозяйство СССР в 1960 г. : статистический ежегодник.* — Москва, 1961. — 900 с.

6. *Народное хозяйство СССР в 1964 г. : статистический ежегодник.* — Москва, 1965. — 887 с.

7. *Труд в СССР : справочник.* — Москва, 1988. — 303 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение? (к вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) / С. Г. Айвазова // *Женщина в российском обществе.* — 2011. — № 3. — С. 13—22.

2. *Араловец Н. Д. Женский труд в промышленности СССР / Н. Д. Араловец.* — Москва : Профиздат, 1954. — 176 с.

3. *Бабкин В. В. Пищевая промышленность Красноярского края (1917—1979 гг.) / В. В. Бабкин, В. И. Федорченко.* — Красноярск, 1980. — 104 с.

4. *Бартон К. Всеохватная помощь при сталинизме? Советское здравоохранение и дух государства благоденствия, 1945—1953 / К. Бартон // Советская социальная политика: сцены и действующие лица. 1940—1985.* — Москва : Вариант, 2008. — С. 174—193.

5. *Бильшай В. Л. Решение женского вопроса в СССР / В. Л. Бильшай.* — Москва : Госполитиздат, 1959. — 264 с.

6. *Гришин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Книга I. Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева / Б. А. Гришин.* — Москва : Прогресс-Традиция, 2001. — 448 с.

7. *Зубкова Е. Ю. Общество и реформы (1954—1964 гг.) / Е. Ю. Зубкова.* — Москва : Центр, 1993. — 200 с.

8. *Концепция женской занятости [Электронный ресурс] / под руководством Л. С. Ржаницыной.* — Москва : Институт экономики РАН, 1994. — Режим доступа : <http://www.a-z.ru/women/texts/konzeptr-2.htm>.

9. *Лебина Н. Б.* Обыватель и реформы : картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия / Н. Б. Лебина, А. Н. Чистиков. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 346 с.
10. *Лебина Н. Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы : деструкция большого стиля : Ленинград, 1950—1960-е годы / Н. Б. Лебина. — Санкт-Петербург : Победа, 2015. — 484 с.
11. *Лебина Н. Б.* Мужчина и женщина : тело, мода, культура. СССР — оттепель / Н. Б. Лебина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 208 с.
12. *Павлюкевич Р. В.* Создание и развитие Красноярского совнархоза / Р. В. Павлюкевич. — Красноярск : КрасГАУ, 2016. — С. 158—174.
13. *Пушкарева Н. Л.* Историческая феминология, женская и гендерная история : итоги и перспективы / Н. Л. Пушкарева // Женщина в российском обществе. — 2002. — № 2/3. — С. 32—37.
14. *Пушкарева Н. Л.* Русская женщина : история и современность / Н. Л. Пушкарева. — Москва : Ладомир, 2002. — 526 с.
15. *Рабочий* класс Сибири в период упрочения и развития социализма. — Новосибирск : Наука, 1984. — 373 с.
16. *Рафикова С. А.* Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы / С. А. Рафикова. — Красноярск : СибГТУ, 2007. — 253 с.
17. *Рафикова С. А.* Вторая советская легализация аборт и ее влияние на репродуктивное поведение горожанок Красноярского края / С. А. Рафикова, И. В. Копылов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 1 (75). — С. 172—175.
18. *Реут Г. А.* Закрытые административно-территориальные образования Сибири : социализм за колочей проволокой / Г. А. Реут. — Красноярск : КрасГАУ, 2012. — 349 с.
19. *Рябкова Е. С.* Женщины и женский быт в СССР 1950—1960-х годов в советской и современной российской историографии / Е. С. Рябкова // Вестник РУДН. Серия : История России. — 2017. — № 4. — С. 670—685.
20. *Славина Л. Н.* Динамика возрастно-половой структуры сельского населения Восточной Сибири в контексте демографической модернизации деревни / Л. Н. Славина // Гуманитарные науки в Сибири. — 2010. — № 3. — С. 107—111.
21. *Ханин Г.* Советское экономическое чудо : статья четвертая : 50-е годы [Электронный ресурс] / Г. Ханин. — Режим доступа : http://www.situation.ru/app/j_arp_236.htm.
22. *Янкова З. А.* Советская женщина (социальный портрет) / З. А. Янкова. — Москва : Политиздат, 1978. — 159 с.
23. *Rueschemeyer D.* Partial modernization / D. Rueschemeyer // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons / J. C. Loubser (eds.). — New York, 1976. — Vol. 2. — P. 756—772; Vol. 16. — P. 670—685.

ON THE BRIGHT PATH: FEMALE LABOR IN THE FOOD INDUSTRY IN 1954—1964 (BASED ON MATERIALS FROM THE KRASNOYARSK TERRITORY)

© Natalya V. Gonina (2019), orcid.org/0000-0002-6229-4767, ResearcherID B-9407-2018, PhD in History, associate professor, Department of History and Political Science, Law Institute, Federal

State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Krasnoyarsk State Agrarian University” (Krasnoyarsk, Russia), nvg7@mail.ru.

© **Ruslan V. Pavlyukevich (2019)**, orcid.org/0000-0003-3537-7118, PhD in History, associate professor, Department of History and Political Science, Law Institute, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Krasnoyarsk State Agrarian University” (Krasnoyarsk, Russia), autocrator@yandex.ru.

© **Angelina Yu. Vavilenko (2019)**, postgraduate student, Department of History and Political Science, Law Institute, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Krasnoyarsk State Agrarian University” (Krasnoyarsk, Russia), vavilenko.a@gmail.com.

The relevance of the work is due to the preservation of the problems of the Soviet period in a number of modern industries. The issue of female labor conditions is considered on the example of the food industry of the Krasnoyarsk Territory in the Khrushchev decade. The novelty of the study is seen in the fact that the problem of female labor in industry was considered only from the point of view of the Soviet concept; little attention is paid to it in modern literature. The authors dwell on the characteristics of the difficult conditions of female labor in enterprises of local importance. The author's inference of the reasons why women not only agreed to work in uncomfortable conditions but also considered their situation to be beneficial is presented. It is shown that work in the food industry, which gives the opportunity of free access to food in the conditions of a shortage of goods was desirable. It is also noted that in this industry high requirements were not demanded on the qualifications of women workers, which suited women who were not educated and burdened by their families. It is emphasized that the “sphere of female labor” is a concept created in the Soviet economy with the aim of involving women in production and symbolizing the state's concern for the health and well-being of women. It is proved that in reality the sphere of female labor has become a place of segregation and a zone of preservation of primitive forms of management.

Key words: city; female labor; food industry; Krasnoyarsk region; Khrushchev's decade.

MATERIAL RESOURCES

GAKK — *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya*. (In Russ.).

Intervyyu s L. A. i A. P. — *Intervyyu s rabotnikom sfery obsluzhivaniya L. A., 1948 g. r., i sotrudnikom otdela kadrov Krasnasha A. P., 1932 g. r., zapisannoye N. V. Goninoy 11.10.2014*. (In Russ.).

Intervyyu s N. I. — *Intervyyu s inzhenerom-tehnologom konditerskogo proizvodstva N. I., 1939 g. r., zapisannoye avtorami 28.06.2018*. (In Russ.).

Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1964 g.: statisticheskiy ezhegodnik. (1965). Moskva. (In Russ.).

Narodnoye khozyaystvo v SSSR v 1955 g.: statisticheskiy ezhegodnik. (1956). Moskva. *Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1960 g.: statisticheskiy ezhegodnik*. (1961). Moskva. (In Russ.).

Trud v SSSR: spravochnik. (1988). Moskva. (In Russ.).

REFERENCES

Aralovets, H. D. (1954). *Zhenskiy trud v promyshlennosti SSSR*. Moskva: Profizdat. (In Russ.).

Ayvazova, S. G. (2011). Kontrakt «rabotayushchey materi»: narusheniya ili rastorzheniye? (k voprosu ob osobennostyakh gendernoy politiki v sovremennoy Rossii). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 3: 13—22. (In Russ.).

Babkin, V. V., Fedorchenko, V. I. (1980). *Pishchevaya promyshlennost' Krasnoyarskogo kraya (1917—1979 gg.)*. Krasnoyarsk. (In Russ.).

Barton, K. (2008). Vseokhvatnaya pomoshch pri stalinizme? Sovetskoye zdavookhraneniye i dukh gosudarstva blagodenstviya, 1945—1953. In: *Sovetskaya sotsialnaya politika: stseny i deystviyushchiye litsa. 1940—1985*. Moskva: Variant. 174—193. (In Russ.).

- Bilshay, V. L. (1959). *Resheniye zhenskogo voprosa v SSSR*. Moskva: Gospolitizdat. (In Russ.).
- Grishin, B. A. (2001). *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Kniga I. Zhizn' 1-ya: Epokha Khrushcheva*. Moskva: Progress-Traditsiya. (In Russ.).
- Khanin, G. *Sovetskoye ekonomicheskoye chudo: statya chetvertaya: 50-e gody*. Available at: http://www.situation.ru/app/j_ artp_236.htm. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (2014). *Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kultura. SSSR — ottepel*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (2015). *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy: destruktivnaya bolshogo stilya: Leningrad, 1950—1960-e gody*. Sankt-Peterburg: Pobeda. (In Russ.).
- Lebina, N. B., Chistikov, A. N. (2003). *Obyvatel i reformy: kartiny povsednevnoy zhizni gorozhan v gody nepa i khrushchevskogo desyatiletiya*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
- Pavlyukevich, R. V. (2016). *Sozdaniye i razvitiye Krasnoyarskogo sovmarkhoza*. Krasnoyarsk: KrasGAU. 158—174. (In Russ.).
- Pushkareva, N. L. (2002). Istoricheskaya feminologiya, zhenskaya i gendernaya istoriya: itogi i perspektivy. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2/3: 32—37. (In Russ.).
- Pushkareva, N. L. (2002). *Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost'*. Moskva: Ladomir. (In Russ.).
- Rabochiy klass Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma*. (1984). Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Rafikova, S. A. (2007). *Byt rabochey semyi Zapadnoy Sibiri v 1960-e gody*. Krasnoyarsk: SibGTU. (In Russ.).
- Rafikova, S. A., Kopylov, I. V. (2017). Vtoraya sovetskaya legalizatsiya abortov i ee vliyanie na reproduktivnoye povedeniye gorozhanok Krasnoyarskogo kraja. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kulturologiya i iskusstvo-vedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 1 (75):172—175. (In Russ.).
- Reut, G. A. (2012). *Zakrytyye administrativno-territorialnyye obrazovaniya Sibiri: sotsializm za kolyuchey provolokoy*. Krasnoyarsk: KrasGAU. (In Russ.).
- Rueschemeyer, D. (1976). Partial modernization. In: Loubser, J. C. (eds.). *Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons*. 2/16. New York.
- Ryabkova, E. S. (2017). Zhenshchiny i zhenskiy byt v SSSR 1950—1960-kh godov v sovetskoy i sovremennoy rossiyskoy istoriografii. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, 4: 670—685. (In Russ.).
- Rzhanitsynoy, L. S. (ed.). (1994). *Kontseptsiya zhenskoy zanyatosti*. Moskva: Institut ekonomiki RAN. Available at: <http://www.a-z.ru/women/texts/konzept-2.htm>. (In Russ.).
- Slavina, L. N. (2010). Dinamika vozrastno-polovoy struktury selskogo naseleniya Vostochnoy Sibiri v kontekste demograficheskoy modernizatsii derevni. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 3: 107—111. (In Russ.).
- Yankova, Z. A. (1978). *Sovetskaya zhenshchina (sotsialnyy portret)*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).
- Zubkova, E. Yu. (1993). *Obshchestvo i reformy (1954—1964 gg.)*. Moskva: Tsentr. (In Russ.).